

Mircea Ioniță**(03.08.1941, Sturzeni, Rîșcani –
28.12.2002, Bălți)**

Studii: Institutul Pedagogic de Stat din Bălți, Facultatea Limbi Străine, specialitatea *Limba franceză* (1962). Doctor în științe filologice (1972). Lector superior universitar, conferențiar universitar la Catedra de limba franceză, apoi la Catedra de filologie franceză (1962-2001). Șef la Catedra de limba franceză (1964-1965), șef la Catedra de filologie franceză (1987-2000). Profesor universitar (1995). Publicații: 3 monografii, 7 manuale, 5 traduceri, peste 50 de articole științifice.

***От теории предложения – к теории текста*¹**

До недавнего времени в языкознании бытовало мнение, что предложния – самое крупное сочетание единиц, подлежащее лингвистическому изучению (Dressler 1970: 191-213). Таким образом, считалось, что предложения являются языковой единицей высшего порядка, так как в нем диалектически переплетаются идеальное и материальное, рациональное и эмоциональное, лексическое, грамматическое и интонационное (Банару 1975: 4). Поэтому предложение служило обширным предметом исследования т. е. были изучены интонационный статус этой единицы (Zwanenburg 1965), ё содержательные и композиционные аспекты, глубинные и поверхностные структуры (Адмони 1964: 23-33), информационное членение (Блох 1975: 16-19), формальное и семантические аспекты (Иртеньева 1975: 29-33).

Однако не все лингвисты считают, что предложение является единицей языка высшего порядка. Так, Э. Бенвенист пишет: «Предложение – образование неопределённое, неограниченно варьирующееся: это сама жизнь языка в действии. С предложением мы покидаем область языка как системы знаков и вступаем в другой мир, в мир языка как средства общения, выражением которого является речь» (Бенвенист 1974: 139). По мнению Э. Бенвениста, предложение принадлежит речи. «Предложение, пишет он, единица в силу того, что оно является сегментом речи, а не в силу того, что оно противопоставляется другим единицам того же уровня. Но предложение является полной единицей, которая имеет одновременно и смысл и референцию: смысл потому, что оно несёт смысловую информацию, а референцию – потому, что

¹Text reproduc după: Ионицы, М., *Глоссарий контекстуальных связей*, Кишинев, Штиинца, 1981, стр. 5-13.

.....
оно соотносится к соответствующей ситуации. При общении людей общей как раз является определенная соотнесенность к ситуации без чего коммуникации как таковой не происходит: ведь даже если смысл и понятен, а референция не известна, коммуникация не имеет места» (*ibidem*: 139-140).

Такого же мнения придерживается и В. А. Звегинцев, который считает, что предложение является основной единицей речи. Согласно В. А. Звегинцеву, «законченность смысла и привязанность к ситуации является определяющими для предложения. Ситуативность предложений приводит к тому, что каждое из них приобретает качество новизны и вместе с тем уникальности, неповторимости» (Звегинцев 1976: 181). Автор подтверждает свою мысль одним «текстом» (в данном случае термин «текст» был использован условно, так как текст – совершенно искусственен), в котором предложения семантически не связаны между собой и всё-таки он считаются предложениями, потому что имеют грамматическую оформленность, законченность, интонацию и т. д. Однако эти предложения находятся вне конкретного приложения, они «не выполняют прямого назначения всякого речевого акта – не передают никакой мысли, которая всегда конкретна, всегда ситуативна, всегда нацелина на определённый предмет – каким бы абстрактным он бы ни был сам по себе» (*ibidem*: 185). В. А. Звегинцев называет псевдопредложениями подобного рода слепки с предложений без функций предложений; они принадлежат языку (*ibidem*: 186). Псевдопредложения являются предметом изучения и описания нормативных грамматик и исследований, описывающих всякого рода синтаксических явления.

Следует отметить, что использование псевдопредложения для объяснения каких-либо грамматических явлений не всегда дает достоверные результаты. Примером такого утверждения может послужить следующее псевдопредложение: *Et porte s'est refermée* (G. Simenon). В данном примере перед словом *porte* (дверь) отсутствует артикль. Ни одна нормативная грамматика не регистрирует такого случая отсутствия артикля. В подобной ситуации отсутствие артикля можно мотивировать лишь тогда, когда данное псевдопредложение станет действительно предложением, т.е. когда мы его включим в ситуацию: *On m'a bousculé plus fort et, comme je résistais, on m'a envoyé un coup de poing en plein visage et porte s'est refermée* (G. Simenon). Автор не употребляет артикль перед словом «дверь», чтобы подчеркнуть мгновенность совершения действия. Никак нельзя объяснить значение дейктических форм, временных форм или артикля, используя только предложения.

Мы вполне согласны с мнением Э. Бенвениста и В.А. Звегинцева, что предложение является единицей речи, а не единицей языка. Однако необходимо добавить, что предложение является минимальной единицей речи.

Э. Бенвенист считает, что предложение является максимальной единицей речи и оно не может быть интегрантом никакой другой единицы более высокого уровня, так как пропозициональной функции, в какую можно было

бы употребить предложение, не существует (Бенвенист 1974: 138). Это объясняется, по мнению учёного, «прежде всего той особенностью, которая присуща только предложению и отлечает его от всех других единиц, т.е. предикативностью» (*ibidem*). Он относит предложение к «категорематическому уровню», а это означает, что предложение может только предшествовать какому-нибудь другому предложению или следовать за ним, и, следовательно, группа предложений не образует единицы высшего уровня по отношению к предложению. «Языкового уровня, расположенного выше категорематического уровня, не существует» (*ibidem*), – утверждает Э. Бенвенист.

Между тем никак нельзя согласиться с этим утверждением Э. Бенвенист, так как «существующие определения предложения рассматривают его лишь в одной – синтагматической плоскости, что не дает возможности выделить предложения как различимые единицы особого уровня со своими отчетливыми признаками. Для того чтобы достичь, надо поставить предложения в те же условия, в которых находится единицы других уровней» (Звегинцев 1976: 169). Итак, следует установить для предложений не только синтагматические, но и парадигматические отношения, т.е., как считает В. А. Звегинцев, «надо найти для предложений более высокий уровень, в котором они могли бы идентифицироваться» (*ibidem*). Таким уровнем является связный текст, или дискурс, и мы полностью разделяем мнение В. А. Звегинцева, что «предложение вне дискурса не существует, так как не существует морфем вне уровня слова и т.д.» (*ibidem*: 172). Следовательно, существует уровень, стоящий выше, чем предложение, – связный текст или дискурс.

По этому поводу П. Хартман пишет: «Языковые знаки проявляют себя только, если они связаны текстом; они могут иметь смысл только как связанные единицы; связанные текстом знаки – это текстобразующие или передающие содержание текста знаки [...]. Все носители языка [...] говорят только текстами, а не словами и не предложениями, по крайней мере, предложениями из слов в объединенных текстах» (Hartmann 1965: 110-119).

Такого же мнения придерживаются З. Шмидт, Х. Вайнрих, Е. Аркаини и другие лингвисты. Так, З. Шмидт считает, что «текстология является основной характеристикой речи и что носители любого языка говорят не словами, не предложениями, а только текстами» (Schmidt 1973: 127). Х. Вайнрих утверждает, что «мы обычно говорим не разрозненными словами, а предложениями и текстами, и наша речь базируется на ситуациях» (Weingrich 1966: 15). Е. Аркаини подчёркивает, что даже при чтении текста существует взаимодействие между читателем и автором текста, и читатель может прокинуть в смысл текста лишь рассматривая его в целом (Arcaini 1976: 334).

Обращение к тексту – не случайное явление, это обращение ко всей общественной реальности языка: языковые элементы проявляют себя полноценно только будучи связанными, т.е. когда они актуализируются (Балли 1955: 48).

Допуская существование уровня, расположенного выше предложения – связного текста, или дискурса, – лингвисты пытаются определить это явление и дать ему толкование. Так как этот уровень ещё мало изучён, вполне естественно, что существуют разные определения понятия связного текста. Одни лингвисты рассматривают текст как *a priori* данное понятие, другие определяют текст, отграничивая это понятие от близких, подчас смежных и в тоже время специфических понятий. Третье направление поисков связано с попыткой определения дифференциальных признаков текста (Горшкова 1979: 342).

Рассмотрим некоторые определения понятия связного текста. И. Р. Гальперин, например, считает, что текст – это сообщение, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа; оно состоит из ряда особых единств, объединенных разными типами лексической, грамматической и логической связи, и имеет определённый модальный характер и прагматическую установку (Гальперин 1974: 72). Из этого определения видно, что автор четко различает письменный текст от устной речи, которая «всегда конкретна, однозначна, преднамеренно убеждающая, интонационно недвусмысленна, субъективно актуализирована» (*ibidem* 1974: 73). Далее И. Р. Гальперин дает характеристику текста: «текст – абстрактен, неоднозначен, интонационно многопланово оформлен и может быть подвержен различной интерпретации ...» (*ibidem* 1974: 75). Таким образом, текст и речь – различные явления. Текст – это абстрагированная речь, речь – это овеществленный текст, считают В. Скальчика и В. Я. Мыркин (Мыркин 1976: 93; Skalicka 1961: 3). Ю. М. Лотман под текстом понимает «всю сумму структурных отношений, нашедших лингвистическое выражение ...» (Лотман 1972: 33).

Л. В. Щерба различает в числе трех аспектов языковых явлений «язык»; «речевую деятельность», под которой понимал процессы говорения и понимания; «языковой материал» – «совокупность всего говоримого и понимаемого в определенной конкретной обстановке в ту или иную эпоху жизни данной общественной группы, иными словами – тексты» (Щерба 1965: 363).

Согласно К. Гаузенбласу, текст, образуемый определенной последовательностью компонентов, носит линейный и ограниченный характер, его основу составляют синтагматические отношения (Hausenblas 1971: 31).

М. Пфютце характеризует понятие «текст» следующим образом: «я понимаю под текстом определенно организованную по цели и смыслу совокупность фраз или фразовых единиц, между которыми имеются значимые отношения и/или функции, т.е. структурированное единство, представляющее в сознании в виде лингвистической единицы какое-либо комплексное явление действительности в его относительно законченной смысловой целостности» (Pfützte 1970: 7). Текст, считает Р. Г. Пиостровский, формируется в результате взаимодействия порождающей системы языка, его нормы и узуса, с одной

стороны, и независимо от языка внешней ситуации – с другой (Пиостровский 1975: 30). М. П. Брандес утверждает, что текст можно определить как «употреблённый, как практически применённый язык, как конкретный способ существования языка, т.е. синтез языка и употребления»¹ (Брандес 1977: 145). В вышеприведенных определениях лингвисты употребляют разные термины: «текст», «связный текст», «дискурс». Некоторые исследователи используют другие термины, например, «регистр», «высказывание» и т. д. Все эти термины не однозначны и часто обозначают разнородные явления. Термин «регистр» совпадает с понятием «функциональный стиль», а «высказывание» в большинстве случаев обозначает «сверхфразовое единство» или «сложное синтаксическое целое» (Гальперин 1974: 72-73). Термин «текст» – более общее понятие, чем «дискурс», или «связный текст». Если текстом можно считать последовательность языковых единиц любого порядка, то связный текст состоит из коммуникативных единиц речи (предложений, сверхфразовых единиц и т. д.). Термин «дискурс» в одних работах эквивалентен термину «регистр», в других работах он используется в более широком значении.

Внимательно анализируя все имеющиеся в лингвистике определения понятия «дискурс, или связный текст», можно заметить некоторые общие характеристики этого понятия, а именно: дискурс состоит из коммуникативных единиц речи; все эти единицы находятся в непрерывной смысловой связи; смысловые связи выражаются лексическими, морфологическими и синтаксическими средствами; в основе любого связного текста находятся определенные функционально-семантические категории, которые будут рассматриваться нами далее.

Итак, отмечается, что дискурс состоит из коммуникативных единиц речи. Рассмотрим данную характеристику более подробно и перейдём к анализу структуры дискурса. И по этому вопросу нет единства мнений. Так, В. А. Бухбиндер и Е. Д. Розанов считают, что основной единицей текста является фразовое единство. Наличие или отсутствие фразовых единств дает возможность судить о том, имеем ли мы дело с текстом или же с простой совокупностью фраз, не получившей текстового оформления (Бухбиндер *et alii* 1975: 74).

Г. Я. Солганик считает, что дискурс, или связный текст, членится на сложные синтаксические целые (автор называет их прозаическими строфами), которые в свою очередь распадаются на сенсемантические предложения. Прозаическая строфа, говорит Г. Я. Солганик, – «это группа тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически предложений, выражающих более полное по сравнению с отдельным предложением развитие мысли» (Солганик

---

¹Существует еще множество определений понятия «текст». Подробнее ознакомиться с рассматриваемым лингвистическим уровнем можно, прочитав книги *Новое в зарубежной лингвистике*, Москва, 1978 и *Синтаксис текста*, Москва, 1979.

1973: 95). Но такое утверждение, на наш взгляд, не достоверно, так как две или более прозаические строфы могут образовать более крупные единства.

Л. Ельмслев указывает на то, что связный текст может состоять из главы, абзаца и группы предложений (Hjelmslev 1968: 119). Однако отметим, что глава может совпадать со связным текстом по смыслу, с одной стороны, но с другой – она может содержать два или более связных текста.

Некоторые исследователи считают, что вообще процедура сегментации дискурса на его составляющие части является излишней, потому что она проделана уже автором. Так как связный текст продуцируется интонационно оформленными сегментами, каждая из которых не может быть далее расчленена без изменения или потери смысла, в процессе формирования дискурса появляются смысловые паузы (в устном тексте) и знаки препинания (в письменных текстах), отделяющие его части друг от друга. Паузы и знаки препинания передают авторское смысловое членение связного текста на минимальные коммуникативно ориентированные сегменты – «энонсемы» (Борботько 1976: 8-9). Последние могут совпадать с однословными предложениями типа *oui, non, ici, là, moi, où ?* и т.д. с вводными словами или выражениями типа *enfin, bien, sûr, heureusement, à la fin de fin, donc* и т. д., с однородными словами (*les hommes, les femmes, les enfants sont vent me voir*). Однако, как нам представляется, однословные предложения, вводные слова и выражения являются одним из способов выражения функционально-семантической категории связности дискурса и никак не могут быть энонсемами. Кроме того, интонационные паузы и знаки препинания могут быть использованы автором с целью акцентирования каких-либо видов модальности или выделения рем или темы и т. д. – вопросы, которые должны рассматриваться при исследовании функционально-семантических категорий модальности выделения.

Н. Д. Зарубина считает, что любой связный текст состоит из сверхфразовых единств; линейно-синтаксических цепей; цепей предложений, не имеющих характеристик ни сверхфразовых единств, ни линейно-синтаксических цепей; одиночных самостоятельных предложений (Зарубина 1979: 110-111). Такие членение текста основываются, по-видимому, на вида возможных связей между сегментами дискурса, что является предметом изучения одной из функционально-семантических категории связности дискурса.

По нашему мнению, любой связный текст состоит из трёх основных единиц: сложных синтаксических целых, сверхфразовых единств и отдельных несамостоятельных предложений. Сложное синтаксическое целое представляет собой группу тесно взаимосвязанных по смыслу и синтаксически сверхфразовых единств, выражающих более полное по сравнению с сверхфразовым единством развитие мысли. Определение Г. Я. Солганика для прозаической строфы полностью подходит для сверхфразового единства (Солганик 1973: 95).

Анализ конкретных текстов показывает, что в них нет отдельных самостоятельных предложений. Даже те предложения, которые начинают или завершают сложные синтаксические целые и сверхфразовые единства, не являются автосемантическими. Они являются самостоятельными с формальной стороны, а не с семантической. Значение первого предложения – начало сложного синтаксического целого или сверхфразового единства – детализируется, разъясняется и раскрывается в последующих предложениях: имеет место катафорическая связь. Значение поледнего предложения сложного синтаксического целого или сверхфразового единства, пусть даже сентенционного, мотивируется лишь предшествующими предложениями: налицо анафорическая связь. Иллюстрацией вышесказанному может послужить одно сверхфразовое единство – составная часть сложного синтаксического целого: *Pourtant je l'ai tachée de mon sang. Cette idée me plonge dans le malaise et le délice. Je suis à tel point dénué de toute connaissance d'elle que mes rêves memes ne parviennent pas à la toucher et qu'ils retombent dans leur vide. Même si toute ma vie devait se passer sans que jamais nos mains se rejoignent, si des distances infinies et des ombres insurmontables devaient toujours nous séparer? Il reste néanmoins **que le sang est un fait accompli le sang est un pacte** (L. Dietrich).*

Наличия наречия *pourtant* и местоименного репрезентанта *l'* в первом предложении свидетельствует о том, что самостоятельно о формальной стороны, но связано семантически при помощи анафорической связи с предыдущим сверхфразовым единством. Местоименно-прилагательный репрезентант *cette* и субстантивный репрезентант *idée* включают данное предложение в последующий контекст, который разъясняет и раскрывает смысл предложения. Таким образом, данное предложение с мягким началом (Мистрик 1967: 43-44) не является автосемантическим, так как оно подытоживает смысл предшествующего сверхфразового единства, и его значение детализируется в последующем контексте: оно связано с ними катафорической и анафорической связями. Последнее предложение, которое является сентенционным, – это итог сказанного в предшествующем контексте. Оно связано логически и формально не только с непосредственно предшествующим предложением, но также и с первым (повтор слова *sang*). Изъятое из контекста, последнее предложение выглядит относительно независимым, тогда как в данном контексте помимо обобщающего оно имеет еще актуализованное значение.

В заключение следует отметить, что необходимость установления степени зависимости предложений от контекста (под контекстом имеются в виду сложные синтаксические целые и сверхфразовые единства) и от текста нуждается в дополнительном исследовании.

Библиография

- Arcaini, E., *Tension discursive et analyse linguistique*, in *Studi italiani di linguistica teorica ed applicata*, 1976, nr. 3, p. 334.
- Dressler, W., *Textsyntax*, in *Lingua e stile*, 1970, nr. 2, p. 191-213.
- Hartmann, P., *Zur anthropologischen Fundierung der Sprache*, in *Symbolae Linguisticae in honorem G. Kurylowicz*, Warszawa, 1965, p. 110-119.
- Hausenblas, K., *Vystavha jazykovych projevu a styl*, Praha, 1971.
- Hjelmslev, L., *Die Sprache*, Darmstadt, 1968.
- Pfütze, M., *Grundgedanken zu einer funionalen Text-linguistik*, in *Textlinguistik*, Dresden, 1970.
- Skalicka, V., *Text, context, subtext*, in *Slavia pragensia. Philologica*, 1961, nr. 3.
- Schmidt, S., *Théorie et pratique d'une etude scientifique de la narrativité littéraire*, in *Sémiotique narrative et textuelle*, Paris, 1973, p. 127.
- Weinrich, H., *Linguistik der Lüge*, Heidelberg, 1966.
- Zwanenburg, W., *Recherches sur la prosodie de la phrase française*, Leiden, 1965.
- Адмони, В. Г., *Основы теории грамматики*, Москва-Ленинград, 1964.
- Балли, Ш., *Общая лингвистика и вопросы французского языка*, Москва, 1955.
- Банару, В. И., *Некоторые вопросы функциональной перспективы предложения*, Кишинёв, 1975.
- Блох, М. Я., *О различении так называемых глубиной и поверхностной структур предложения*, in *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*, Ленинград, 1975, стр. 16-19.
- Бенвенист, Э., *Общая лингвистика*, Москва, 1974.
- Борботько, В. Г., *Структурные характеристики дискурса*. Автореф. на соиск. учен. степени канд. филол. наук, Москва, 1976.
- Брандес, М. П., *Синтаксическая семантика текста*. Сборник научных трудов, вып. 112, Москва, 1977.
- Бухбиндер, В. А., Розанов Е. Д., *О целостности и структуре текста*, in *Вопросы языкознания*, 1975, №. 6, стр. 74.
- Гальперин, И. Р., *О понятии «текст»*, in *Вопросы языкознания*, 1974, №. 6, стр. 72.
- Горшкова, И.М., *Дискуссионные вопросы организации текста в чехословацкой лингвистике*, in *Синтаксис текста*, Москва, 1979.
- Иртеньева, Н.Ф., *Информативное членение предложения*, in *Теоретические проблемы синтаксиса современных индоевропейских языков*, Ленинград, 1975, стр. 29-33.
- Зарубина, Н. Д., *К вопросу о лингвистических единицах текста*, in *Синтаксис текста*, Москва, 1979.
- Звегинцев, В. А., *Предложение и его отношение к языку и речи*, Москва, 1976.
- Лотман, Ю. М., *Анализ поэтического текста*, Ленинград, 1972.
- Мистрик, Й., *Математико-статистические методы в стилистике*, in *Вопросы языкознания*, 1967, №. 3, стр. 43-44.
- Мыркин, В. Я., *Текст, подтекст и контекст*, in *Вопросы языкознания*, 1976, №. 2, стр. 93.
- Пиотровский, Р. Г., *Текст, машина, человек*, Ленинград, 1975.
- Солганик, Г. Я., *Синтаксическая стилистика*, Москва, 1973.
- Щерба, Л. В., *О троюком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании*, in Звегинцев В. А., *История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях*, том II, Москва, 1965.